

Трансгуманизм, менеджеризм и специальная военная операция на Украине

Ковалев Виталий Владимирович

Д-р социол. наук, проф. каф. отраслевой и прикладной социологии
ORCID: 0000-0002-8439-3117, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Проанализированы две наиболее значимых для современного западного мира идеологии – трансгуманизм и менеджеризм. Изучение данной проблематики осуществлено в контексте выявления взаимосвязи между поддержкой западными элитами Украины и трансформационными процессами, которые проходят в странах Европейского союза и Северной Америки. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить, какие социальные изменения на Западе приводят к образованию барьеров, препятствующих мирному урегулированию российско-украинского конфликта. В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также компаративный метод научного познания. В качестве прикладного метода сбора эмпирической информации использовался анализ документов: изучение информационных порталов, сайтов государственных органов власти и неправительственных организаций. В результате исследования сделаны следующие выводы. Идеология трансгуманизма в странах Европейского союза и Северной Америки ориентирована на создание «общества избранных». Применение трансгуманизма и менеджеризма ведет к существенному повышению управляемости социумом за счет ускорения распада традиционных социальных связей. Трансформация западного социума повышает его уязвимость из-за незавершенности изменения социальных ценностей и внутренне-го противодействия трансгуманизму и менеджеризму. Специальная военная операция на территории Украины используется в целях усиления интеграционных процессов на Западе.

Ключевые слова

Менеджеризм, трансгуманизм, идеология, социальное управление, конфликт на Украине, коллективный Запад, социальные ресурсы

Для цитирования: Ковалев В.В. Трансгуманизм, менеджеризм и специальная военная операция на Украине // Вестник университета. 2024. № 8. С. 185–194.

Transhumanism, managerism and the special military operation in Ukraine

Vitaly V. Kovalev

Dr. Sci. (Sociol.), Prof. at the Industrial and Applied Sociology Department
ORCID: 0000-0002-8439-3117, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

The article analyzes two ideologies that are the most important for the modern Transhumanism and managerialism as two ideologies most significant for the modern Western world have been analyzed. The study of these issues was carried out in the context of identifying the relationship between the Western elites' support for Ukraine and the transformation processes that are taking place in the European Union and North America. The purpose of the study is to determine what social changes in the West lead to forming barriers to the peaceful resolution of the Russian-Ukrainian conflict. The work applied general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the comparative method of scientific cognition. Document analysis was used as an applied method of collecting empirical information (the study of information portals, state authorities' and non-governmental organizations' websites). As the study result, the following conclusions have been made. The transhumanism ideology in the countries of the European Union and North America is focused on creating a "society of the chosen". The transhumanism and managerialism application leads to a significant increase in society manageability by accelerating traditional social ties disintegration. Western society transformation increases its vulnerability due to incomplete change of social values and internal resistance to transhumanism and managerialism. The special military operation on the territory of Ukraine is used to strengthen integration processes in the West.

Keywords

Managerialism, transhumanism, ideology, governance, conflict in Ukraine, collective West, social resources

For citation: Kovalev V.V. (2024) Transhumanism, managerism and the special military operation in Ukraine. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 185–194.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем исследовании авторам хотелось бы дать ответ на вопрос о том, почему западные страны с таким энтузиазмом включились в боевые действия на территории Украины и всячески препятствуют их прекращению. С начала проведения специальной военной операции (далее – СВО) Российская Федерация (далее – РФ, Россия) предприняла несколько инициатив прямого контакта с руководством Украины по выходу из конфликтной ситуации (Стамбульские соглашения). Однако переговорный процесс в результате противодействия части западных элит был приостановлен, были созданы институциональные барьеры для его возобновления на текущем этапе.

Широкомасштабные боестолкновения продолжаются. Вот уже более двух лет военные операции проходят практически на всей линии боевого соприкосновения: от устья Днепра до восточных окраин Харьковской области. Невзирая на многочисленные мирные инициативы российского руководства, финальной стадии конфликта пока не видно. Складывается ощущение, что определенная часть западной элиты – именно та, которая принимает основные управленческие решения, – заинтересована в безусловном продолжении СВО (нельзя отрицать вероятность мотива решить свои внутренние проблемы). На такие мысли наталкивают высказывания ряда европейских политиков, в том числе тех, которые своим статусом обязаны преодолевать, а не разжигать конфликты. Примером подобного милитаризма выступает позиция Ж. Борреля, главы европейской дипломатии. На конференции «Европа и мир» он сказал следующее: «Я знаю, как быстро закончить боевые действия. Если я перестану поддерживать Украину, это закончится капитуляцией украинцев. Разве мы хотим, чтобы все закончилась именно так? Я думаю, что нет»¹. Еще более откровенным главный дипломат Европейского союза (далее – ЕС, Евросоюз) был в интервью французской газете L'Obs: «Внезапно мы снова слышим, что Украина не может победить и что поддержки Запада не будет. И снова соблазны примирения всплывают на поверхность. Эти идеи были ошибочными в 2022 г. и остаются ошибочными сегодня»².

Западная пресса наполнена риторикой войны, представления о неизбежности которой постепенно проникают во все сферы международных отношений. Так, 22 октября 2023 г. мировые средства массовой информации вышли с заголовками: «НАТО: сотрудничество России и Китая повышает риск конфликта в Арктике»³. Почему сотрудничество Китая и России в Арктике неизбежно ведет к войне? Соединенные Штаты Америки (далее – США) уже решили, что Арктика – и не только она – является их вотчиной. Мир для западных стран – это резервуар, где хранятся их ресурсы. Некоторые они уже используют, некоторые лишь ждут своей очереди.

В подобных установках отражается концепция неоколониализма. Нельзя сказать, что его идеи на каком-то этапе развития международных отношений ушли в прошлое, а сейчас неожиданно вернулись в мировую политику. Это было бы неправильно. Некоторое время Запад не акцентировал на них свое внимание в столь категоричной и откровенной форме. Колониальные амбиции представлялись в форме заботы о культурном развитии не западного мира. Однако война на Украине во многом изменила риторику, сделав ее предельно откровенной. В значительной степени это проистекает от ряда трансформационных процессов, существенно изменивших внутренний облик ЕС и США. Через оценку этих перемен будет раскрываться предметное поле данного исследования.

Истоки западного глобализма являются логическим продолжением идей превосходства, основанных на технологическом и информационном доминировании западных европейцев и США. Однако эти старые установки в новых условиях не исчерпывают всю полноту вопроса. Европа и США находятся на пороге фундаментальных внутренних трансформаций. Именно эти изменения выступают прямым фактором беспрецедентной агрессивности западного мира на Украине, нежелания идти на переговоры и страха перед поражением.

Предметно настоящее исследование построено на поиске взаимосвязи между изменениями в западном мире и его непримиримостью в отношении украинского конфликта. С учетом вышесказанного цель статьи заключается в том, чтобы определить, какие трансформационные процессы на Западе приводят

¹ Борель предсказал капитуляцию Украины при одном условии. Режим доступа: <https://ukraina.ru/20231025/1050462967.html> (дата обращения: 11.05.2024).

² Морозова А. Боррель назвал ошибочными идеи о возможном перемирии сторон конфликта на Украине. Режим доступа: https://www.forbes.ru/society/505238-borrel-nazval-osibocnymi-idei-o-vozmognom-peremirii-storon-konflikta-na-ukraine?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 11.05.2024).

³ Пламенев И. В НАТО увидели риски в Арктике из-за «растущих связей» России и Китая. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/22/10/2023/6534c3969a79471a9b6ba1f7> (дата обращения: 11.05.2024).

к образованию барьеров, препятствующих мирному урегулированию войны на Украине. Не касаясь всей полноты проблемы, попробуем разобраться с вопросом о роли идеологий трансгуманизма и менеджериализма в утверждении агрессивной позиции коллективного Запада против России.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические основы выстроены на идеях, изложенных в работе Б. Латура «Пересборка социального» [1]. Данное исследование применялось для конструирования модели современного западного общества, в котором основные социальные процессы перестраиваются под воздействием произвольных идентичностей, созданных как результат преодоления расовых, этнических, гендерных, имущественных и классовых дифференциаций. Б. Латур не использует термины «трансгуманизм» и «менеджеризм», но они удачно дополняют суть его концепции относительно способности современного западного социума к саморегуляции.

В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также компаративный метод научного познания. В качестве прикладного метода сбора эмпирической информации использовался анализ документов: изучение информационных порталов, сайтов государственных органов власти и неправительственных организаций.

ИДЕОЛОГИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

Трансгуманизм возник как философское учение о расширении возможностей человека за счет внесения таких усовершенствований в его биологическую природу, которые позволят взять под управление законы эволюции. Первоначально трансгуманистические проекты разрабатывались учеными и писателями-фантастами [2; 3]. Однако в начале XXI в. феномен постепенно превращается в идеологию, так как его идеи стали инструментами государственного воздействия на общественное сознание [4; 5]. Поскольку идеология традиционно связана не столько с сущностями, сколько с управлением, основная цель трансгуманизма состоит в расширении возможностей элиты управлять социумом в условиях сокращения ресурсов и снижения социальной значимости человека.

Трансгуманизм можно свести к двум позициям – создание максимально комфортной среды для жизни (социальный аспект) и замена социобиологической природы человека на социотехническую (технологический аспект).

1. Создание максимально комфортной среды для жизни (социальный аспект). В сознание современного западного обывателя переносится комплекс установок, формирующих убежденность в том, что западный мир основан на началах исключительности, а принадлежность к нему гарантирует обретение безграничных возможностей. Принадлежность к сообществу «избранных» искусственно поддерживается за счет умелой пропаганды. Это формирует условия для развития социального конформизма. Страх потерять статус избранного притупляет волю к сопротивлению. В связи с этим сопричастность к этому миру используется как источник манипуляций социальным поведением. «Европа – это сад, мы создали этот сад... Все здесь работает, это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности. Остальной мир – это не совсем сад. Большая часть остального мира – это джунгли. А джунгли могут вторгнуться в сад»⁴.

Однако идеология трансгуманизма не рассматривается исключительно как привилегия здесь и сейчас живущих европейцев. Это так называемый экспортный продукт, который продается для привлечения внимания определенной части незападного мира. «Мы привилегированные люди, мы создали комбинацию трех вещей – политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности. Но мы не можем претендовать на выживание в качестве исключения»⁵. Возникает вопрос – зачем нужно экспортировать идею «райского сада», если очевидно, что в современном мире на всех не хватит ресурсов. Ответ на него лежит в плоскости процессов, протекающих в западном мире. Эти процессы напрямую связаны с организацией максимально комфортной среды для жизни, но с пониманием того, что незападный мир должен стать своеобразной батареей, подпитывающей основные социальные процессы в «райском саду».

⁴ Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями. Режим доступа: https://www.m24.ru/news/politika/13102022/511147?utm_source=CoryBuf?utm_source=CoryBuf (дата обращения: 11.05.2024).

⁵ Там же.

Поясним данную мысль, отталкиваясь от двух особенностей современного западного социума – падение качества социальных ресурсов и опережающий рост потребностей населения относительно ресурсных возможностей государства. Эти особенности являются следствием ценностей трансгуманизма и одновременно социальными условиями, в которых данные ценности реализуются.

1.1. Падение качества социальных ресурсов. Деградации прежде всего подвержены такие виды ресурсов, как интеллектуальный, мотивационный, демографический. В странах ЕС и Северной Америки воспроизводить именно их становится все сложнее. Резкое снижение рождаемости деформирует демографический ресурс, снижение интереса к активной трудовой деятельности и создание высокого качества социальной жизни (комфорта) препятствуют росту мотивационного и интеллектуального ресурсов.

В качестве примера необратимой интеллектуальной деградации на Западе можно привести ситуацию с отбором на должность учителей математики в провинции Онтарио, Канада. В соответствии с требованиями «новой повестки» по борьбе с дифференциациями учителя в средние школы отбираются по принятым квотам по цвету кожи. Однако общественность, обратив внимание на существенное снижение качества математического образования, забила тревогу, связывая это с ухудшением профессиональных качеств педагогов. Эти опасения были подтверждены результатами тестирования, которые показали, что учителя негроидной расы выполняют тестовые задания в среднем на 70,3 %, а европеоидной – 90,51 %⁶. Дело перешло в высшую судебную инстанцию. Вопреки здравому смыслу Верховный Суд провинции Онтарио принял Постановление о сохранении существующих квот, так как, по его мнению, негативные последствия от ухудшения математической подготовки неизмеримо меньше, чем эффекты, связанные с отказом от политики расовой дегрегации. Очевидно, что данное решение имеет сугубо политический характер и не просчитывает потенциальное ухудшение качества образования.

Мы показали лишь частный случай. Данная модель реализуется на всех уровнях образования, включая квоты на прием в высшую школу. Дело не только в квотах. По всем направлениям государственной политики в сфере образования социальная эффективность приносится в жертву социальной справедливости понимаемой крайне односторонне.

Ухудшение мотивационного ресурса в западных странах традиционно связывается с реализацией идеи «государства всеобщего благоденствия». Для объяснения этого процесса в научный оборот постепенно входит термин «паразитический класс» [6]. Государство проявляет настолько сильную опеку по отношению к самым широким слоям общества, что значительная часть социума теряет всякую мотивацию к труду. Этот вывод можно пояснить на примере Нидерландов. В стране проживают 7 млн трудоспособных чел. в возрасте от 18 до 65 лет, из них 1 млн чел. находятся на полном жизнеобеспечении государства [7]. Значительная часть политического истеблишмента сознательно проводит такую политику, поощряя социальный паразитизм в целях расширения собственного электората [8].

Относительно сокращения демографического ресурса существует огромное количество литературы, в которой доминируют алармистские тенденции. Проблема «вымирания» коренных европейцев настолько очевидна, что общественный и научный дискурс по данному вопросу слились воедино: и по основательности в презентации доказательственной базы, и по согласованности в оценках глубины кризисных явлений. Оставаясь в границах академических правил, сошлемся на данные Евростата – источник, который обладает максимально возможной степенью достоверности. В 2021 г. на одну женщину в странах ЕС приходилось 1,53 рождений⁷. Ни одна из стран Евросоюза не достигла рубежной отметки в два рождения. Даже такое государство, как Норвегия, где социальное обеспечение одно из лучших в мире, имеет результат 1,55, то есть всего лишь на две сотых выше медианного. Как видим, высокий уровень жизни и наличие твердых государственных гарантий не решают демографических проблем. По поводу будущего Европы существует множество разного рода спекуляций. Безусловным следует признать тот факт, что европейцы стремительно стареют, что низкие темпы роста были бы еще ниже без учета прироста популяции среди некоренных жителей, что рождаемость и далее продолжит падение все более быстрыми темпами.

Если 40–50 лет назад в Европе имело место перемещение социальных ресурсов из одной страны в другую, то в настоящее время обеспечение необходимого качества жизни и экономического развития

⁶ Ontario Teacher Candidates' Council v. The Queen, 2021, ONSC 7386. Режим доступа: <https://www.otffco.on.ca/en/wp-content/uploads/sites/2/2021/12/2021-12-16-OTCC-v-Ontario-FINAL-signed-by-all.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).

⁷ Eurostat. Statistics. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_FIND__custom_684440/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=2343b920-02c9-480b-9854-4195c16a17bf (дата обращения: 11.05.2024).

реализуется посредством миграции из развивающихся стран. За счет собственных усилий воспроизводить все необходимые виды социальных ресурсов Запад уже не в состоянии, что повышает вероятность снижения в будущем качества жизни. Это ставит под угрозу сохранение его привлекательности для мигрантов в будущем. Вот почему Ж. Боррель пишет о том, что Запад не может выжить в условиях самоизоляции. Он находится в ресурсной зависимости от остального мира и просто обязан давать мигрантам нечто большее, чем мытье посуды в закусочных и уборка мусора на улицах. Снижение привлекательности – это путь к вымиранию, и в данном случае уже не только демографическому. Такова цена деиндустриализации, падения рождаемости, ухудшения качества образования, поощрения социального паразитизма.

1.2. Опережающий рост потребностей населения относительно ресурсных возможностей государства. Это вторая характерная черта современного западного социума в условиях реализации идеологии трансгуманизма. Потребление в западном мире из категории необходимости переместилось в категорию излишеств. Поскольку ценности в этой культуре по преимуществу имеют материальный характер, тренд на потребительство выступает ее квинтэссенцией. Потребитель на Западе приучен к определенным стандартам жизни. Снижение их по тем или иным причинам потенциально несет за собой высокие риски утраты социальной стабильности.

Решить эту проблему можно за счет внешней экспансии и усиления эксплуатации развивающихся стран. Неизбежность данного вектора следует из сокращения ресурсных возможностей стран Запада. Особенно это становится заметно на примере социальных, технологических и сырьевых видов ресурсов. Общество приобретает все признаки, свойственные социальному паразиту – обменные процессы с контрагентами из других регионов лишены эквивалентного характера, отсюда объективный рост устремлений к неоколониализму и глобализму. Неоколониализм – это идеология грабежа развивающихся стран невоенными инструментами. Глобализм обеспечивает институциональные возможности для осуществления грабежа, обосновывая легитимность этого процесса через новую нормальность.

Таким образом, общество, построенное на началах трансгуманизма, не в состоянии обеспечивать себя всем необходимым объемом ресурсов. Уже сейчас коллективный Запад находится в зависимости от остального мира. Россия в таких обстоятельствах воспринимается как субъект политики, способный бросить вызов неэквивалентной системе распределения ресурсов.

2. Замена социобиологической природы человека на социотехническую (технологический аспект). Над этим инструментом наука еще работает, но как способ управления сознанием он уже действует. В перспективе избранному человечеству обещают бессмертие, победу над болезнями, замену биологических органов искусственными, но легко заменяемыми приборами и т.п. Властями широко не афишируется, но обществом самим воспроизводятся страхи и фобии, вызванные перспективами чипирования, иными способами подключения сознания к компьютеру, а в недалеком будущем и к искусственному интеллекту [9; 10]. Побочным эффектом бессмертия с высокой степенью вероятности станет тотальная управляемость общественным поведением. Достижение этого этапа снимет все вопросы об уязвимости западного мира. Однако тотальная управляемость – это удел будущего. Сейчас еще нет таких технологических возможностей. В связи с этим западный мир стремится к удержанию сложившегося равновесия, подавляя протесты от государств, которые не имеют пропуска в «клуб избранных».

Изменение природы человека – это не столько гуманистический акт, сколько следствие трансформаций в экономике западных стран. В настоящее время наблюдается превышение численности населения относительно реальных потребностей производства. Вопиющей особенностью стран-паразитов следует считать избыток населения с точки зрения его необходимости для поддержания значимых социальных процессов. В основном в этих странах производятся услуги, а потребности в материальных товарах удовлетворяются за счет механизма вывоза технологий в регионы с развивающимися экономиками. Такая модель потребления ведет к истощению ресурсной базы и потенциально таит в себе угрозы дестабилизации общественных отношений. Любой кризис, потеря каналов доставки товаров грозят разрывом устоявшихся социальных связей. Правительствам этих стран немалых усилий стоит поддержка хрупкого равновесия в экономике, что постепенно ведет к росту денежной массы, не подкрепленной объемом товаров. Однако в природе не должно быть слишком много паразитов – то же самое верно и в отношении общества. Народонаселение в развитых странах объективно требуется сокращать, поэтому снижение рождаемости становится целенаправленной политикой.

Особую актуальность данная проблема получила в последние несколько лет, когда очередная технологическая революция поставила вопрос о необходимости собственно самого человека [11]. В недалеком будущем высока вероятность того, что за людей большинство работ будут выполнять автоматы. На первых этапах научно-технической революции развитие технологий меняло масштаб вовлеченности людей только в производство товаров. Это радикально преобразовало социальную структуру в промышленно развитых странах. Благодаря своим диспозиционным преимуществам по отношению к бедным странам основная масса трудовых ресурсов в Северной Америке и в Западной Европе перешла в сферу услуг. Самым многочисленным социальным слоем оказался средний класс. Сектор услуг стал локомотивом экономического развития, достигая 70–80 % в структуре валового внутреннего продукта. Западный мир превратился в сообщество менеджеров для развивающихся стран, куда ушли остатки производства.

Однако новый этап развития технологий в виде повсеместного распространения искусственного интеллекта порождает риски сокращения уже непосредственно в сфере услуг. Под угрозу ликвидации попадают целые профессии. Это касается как профессий низкой квалификации, так и требующих всесторонней подготовки. Между тем это последняя ниша, куда могут переместиться трудовые ресурсы, – деиндустриализация не оставила иного выбора. Таким образом, в развитых странах человеческий фактор резко снизил свое значение для воспроизводства социального богатства. Тот объем людей, который имеется сейчас, для экономики скоро станет избыточным, а для государственного бюджета – обременительным. Правительства Северной Америки и ЕС уже сейчас нацелены на сокращение рождаемости. Агрессивную политику популяризации движения ЛГБТ (признано экстремистским на территории РФ) следует рассматривать именно в этом контексте.

Сами по себе люди не исчезнут. Какой-то период времени мы станем свидетелями поиска некоего паритета между экономической целесообразностью и социальной справедливостью. В любом случае выживание западного мира будет зависеть от его способности пользоваться ресурсами всей остальной планеты, включая такой важнейший ресурс, как интеллектуальный, без которого невозможно поддержание привлекательности западного общества для потенциальных мигрантов. Уязвимость позиций США и Западной Европы резко повышает потребность в использовании технологий управления массовым сознанием. Идеология трансгуманизма как концепция сообщества «избранных» – это идеальный инструмент управления обществом. Она выступает важнейшим фактором социальной консолидации власти и социума, включая готовность людей к безусловному принятию любых идей.

ИДЕОЛОГИЯ МЕНЕДЖЕРИЗМА КАК СПОСОБ ДЕФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Вторая базовая идеология современного Запада – менеджеризм – исторически возникла как способ повышения эффективности в корпоративном бизнесе. Сам по себе менеджеризм никак не связан ни с трансгуманизмом, ни с СВО. Цель его применения в крупных коммерческих организациях состояла в повышении мотивации работников среднего и нижнего звена, работающих в условиях отчужденности от конечных результатов труда. Однако потенциальные возможности менеджеризма оказались привлекательными и с точки зрения перспектив повышения эффективности социального управления. С начала 1980-х гг. эта идеология начинает оказывать свое воздействие на общественные отношения в западных странах [12].

Неочевидная связь менеджеризма с трансгуманизмом отчетливо проявляется по целям принятия этой управленческой идеологии.

1. Отказ от целей в пользу целевых показателей – потеря способности понимать ориентиры социального развития. Результат проявляется в том, что профессионалы (врачи, преподаватели, учителя, военные, государственные служащие) отчуждаются от результатов труда и превращаются в винтик системы, выполняя строго определенную функцию. Важна не социальная деятельность с точки зрения ее полезности, но лишь промежуточные итоги. Общие цели становятся уделом элит. Конечная, но не очевидная на поверхностном уровне цель – повышение управляемости обществом.

2. Создание иерархии приказов – разрушение бюрократии среднего уровня. Эти приказы передаются по иерархии от вышестоящего «эффективного» менеджера к нижестоящему. В полном соответствии с принципами менеджеризма сама управляемая организация и ее устройство не имеют значения – их можно бесконечно оптимизировать (сокращать штаты), перестраивать организационные формы или

полностью ликвидировать. Допустим любой вариант из перечисленного, если «эффективный» менеджер оказывается способным обеспечить выполнение определенных свыше количественных показателей. Работники любой организации превращаются в легкозаменяемые винтики механизма по обеспечению целевых ориентиров развития [13].

3. Удар по профсоюзам и академическому сообществу – разрушение гражданского общества. Менеджеризм изначально принимался для ликвидации профессиональных организаций как неоптимальных управленческих структур, поддерживающих устойчивые социальные точки опоры для профессионалов. Ликвидация этих опор позволила элитам осуществить атомизацию субъектов профессиональной деятельности.

Менеджеризм – это тотальная управленческая идеология, которая адресована ко всем видам профессиональной деятельности. Его социальное значение состоит в повышении управляемости общества, что обеспечивается разрывом связи между деятельностью профессионала и осознания им социального предназначения своей деятельности (цели разбиваются на показатели, в которых собственно сами цели и функции атрофируются). Менеджеризм подобно трансгуманизму в краткосрочной перспективе порождает управляемый хаос. Дальнейший этап – полное подчинение контролю элит всех сфер общества.

Итак, идеологии трансгуманизма и менеджеризма нацелены на повышение потенциала управляемости социумом в условиях сокращения на Западе ресурсной базы и снижения социальной ценности человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постараемся дать ответ на вопрос, поставленный во введении и сформулированный как цель исследования, – почему специальная военная операция на территории Украины не заканчивается. Ориентиром станут не все процессы, которые имеют значение для поиска ответа, но лишь рассмотренные в данной работе.

Так называемый мировой порядок, в разрушении которого в связи с событиями на Украине западные страны обвиняют Россию, – это политические инструменты сохранения западного гегемонизма, который сложился после распада Советского Союза. Данное событие вызвало у части мирового сообщества ожидания, связанные с построением новой модели международных отношений, в которой коммуникация между государствами будет выстроена на основе общечеловеческих ценностей и равноправного партнерства между народами. Эти идеи подпитывались ощущением снижения остроты конфликтов на международной арене, обусловленным перемещением арбитражных функций по их разрешению в сторону западного мира.

Возвышение его роли объяснялось не только статусом победителя в «холодной» войне с Советским Союзом и его сторонниками. Не меньшее значение имела и так называемая «моральная правота западной системы», сумевшая доказать большую жизнеспособность в производстве и потреблении ресурсов. Западный мир обеспечил своему населению небывалый уровень жизни, показал эффективность политических институтов демократии и продуктивность экономической конкуренции, доказал возможность защиты прав и свобод человека через механизмы национальной судебной системы и созданные по его инициативе неправительственные организации с судебными прерогативами.

Все эти достижения предоставили ему моральное право осуществлять арбитраж в международных отношениях с широким предметным спектром вмешательства во внутренние дела других стран. Однако монополия на истину ведет к неразборчивости в выборе средств. В итоге, помимо легитимных инструментов, в новой геополитической реальности практически одновременно со становлением однополярности широко стали применяться методы, по своему содержанию близкие к террористическим: устранение неудобных политиков, инициирование «цветных» революций, развязывание войн с другими государствами под надуманными предлогами. Коллективный Запад, оказавшись вне системы социального контроля, не смог удержаться от искушения воспользоваться своими позиционными преимуществами. Нарушение суверенных прав других государств стало общим правилом современных международных отношений. Тот факт, что это делается во имя достижения «высших целей», не меняет существо проблемы: западные страны не справились с ролью мирового жандарма.

Подобная ситуация вынуждает ряд государств пересмотреть действующий мировой порядок, в котором США и его союзники из Западной Европы присвоили себе монополию на интерпретацию международного права и применение санкций за его реальное или мнимое нарушение. На международной арене в последние два десятилетия появилось несколько самостоятельных игроков. Диспозиция политического пространства изменилась, и ряд крупных стран готовы бросить вызов Западу.

Положение усугубляется тем, что западный мир стремительно трансформируется – он уже совсем не похож на себя образца 1980-х гг., когда получил монопольную власть в мировой политике. Его амбиции на лидерство не имеют достаточного подтверждения. На Западе нет технологического и военного превосходства над всеми остальными странами, монополии на университетское образование, доминирования в темпах экономического развития и т.п. Более того, глубокую трансформацию претерпели ценности западного общества, что в наиболее однозвонных проявлениях заметно на примере института семьи. Пропаганда движения ЛГБТ (признано экстремистским на территории РФ), отказ от дихотомичной природы гендера, дискредитация статуса родителей вызывают глубокое непонимание во всем остальном мире, радикально меняя отношение к Западу. Если еще не так давно он был образцом для подражания, то сейчас у многих вызывает устойчивое отторжение. Его социальные эксперименты оцениваются как радикальные и даже опасные, в них видят угрозы распада тех оснований, благодаря которым поддерживалась социальная устойчивость любого общества: наука, образование, семья.

В условиях этой нестабильности проведение СВО на территории Украины воспринимается на Западе как проверка прочности своей ресурсной базы, готовности противостоять тем странам, которые бросили вызов их доминированию. Если трансгуманизм и менеджери́зм – это идеологии, повышающие управляемость обществом в условиях нарастания кризисных процессов, то СВО нужна коллективному Западу именно для тех же целей, ради которых реализуются данные феномены. Боевые действия поддерживаются, чтобы повысить управленческий потенциал противостояния кризису собственной идентичности.

Современный трансгуманизм представляет сплав из радикального либерализма и социал-демократии, который создается через борьбу с дифференциациями в форме пародии на коммунизм, но на платформе буржуазных ценностей. Этот идеологический гибрид настолько радикален, что сам по себе он не найдет поддержки в ценностных представлениях современных европейцев. Нужны столь же радикальные меры по изменению сознания. Вовлечение американцев и европейцев в прокси-войну против России используется именно для того, чтобы ускорить отказ западного общества от социальных установок консерватизма. Эта война по замыслу ее инициаторов должна ускорить внутренние интегративные процессы, протекающие по руслу борьбы против так называемых дифференциаций: гендерных, расовых, этнических, классовых, имущественных. Исходной целью запланировано формирование принципиально нового общества без прочных идентичностей. Именно к этому ведет и идеология менеджери́зма, нацеленная на отчуждение от результатов своего труда, разрушение профессиональной идентичности, превращение работников в бесправные винтики производственной системы.

СВО на территории Украины – это катализатор решения внутренних реформ. Однако эта функция достигнет максимальной реализации лишь в условиях полной победы над Россией. Поражение может привести не только к распаду коллективного Запада, но и к возрастанию веры мировой оппозиции (Китай, Россия, Индия и др.) в способность покончить с его гегемонизмом. Страх проиграть войну проистекает от уязвимости современного Запада, который занят вопросами переустройства своей социальной реальности. Он не может показать слабость, иначе потеряет привлекательность для жаждущих попасть туда мигрантов. В условиях деградации социального капитала это станет для него катастрофой. Как и прежде, боевые действия лоббируются оборонной промышленностью – такова исходная природа капитализма. В конечном итоге решения всегда принимают политики. В настоящее время в западном мире появилось новое поколение политиков, которые принимают решения и под влиянием потребностей военно-промышленного комплекса, и ввиду стремления к войне из идеологических соображений. При таких обстоятельствах СВО кажется бесконечной, и из-за грома пушек дипломатию не слышно.

Список литературы

1. *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики; 2014. 384 с.
2. *Белобрагина А.С.* Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку. Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023;3:136–143.
3. *Bostrom N.* A History of Transhumanist Thought. *Journal of Evolution and Technology.* 2005;14:1–25.
4. *Фрумкин К.Г.* Дискуссии о трансгуманизме и постгуманизме как симптом рождения нового общества. Свободная мысль. 2023;3:31–44.
5. *Fukuyama F.* Transhumanism. *Foreign Policy.* 2004;144:42–43.

6. Орлова Е.В. Феномен социального паразитизма в современном обществе: социально-философские аспекты. Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет; 2008. 24 с.
7. Черкасова Т.В. Трансформация социальной защиты населения в европейских странах. Контентус. 2018;1(66).
8. Малахов А.А. Концепция государства всеобщего благосостояния в контексте левых идеологических учений. Теории и проблемы политических исследований. 2021;5A(10):92–99.
9. Сомова И.Ю., Ипатова К.С., Амелченко А.Я. Биоцифровая конвергенция как инструмент трансгуманизма: методы и цели антропологического перехода. Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023;3(14).
10. Pruski M. What Demarks the Metamorphosis of Human Individuals to Posthuman Entities? New Bioeth. 2019;1(25):3–23. <https://doi.org/10.1080/20502877.2019.1564003>
11. Румянцев А.Г. Общество, право и грядущий мир роботов: вместе с людьми или вместо? Сравнительное конституционное обозрение. 2023;6(157):4–32.
12. Казанцев О.А. «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы. Caucasian Science Bridge. 2023;1:96–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>
13. Ковалев В.В., Дятлов А.В. Идеология менеджизма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение. Вестник университета. 2023;7:24–32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>

References

1. Latour B. Reassembling the Social. Introduction to Actor-Network Theory. Moscow: Higher School of Economics; 2014. 384 p. (In Russian).
2. Belobragina A.S. Transhumanism and posthumanism: two ways towards posthuman. Economical and Social-Humanitarian Research. 2023;3:136–143. (In Russian).
3. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. Journal of Evolution and Technology. 2005;14:1–25.
4. Frumkin K.G. Discussions about transhumanism and posthumanism as a symptom of the birth of a new society. Svobodnaya Mysl. 2023;3:31–44. (In Russian).
5. Fukuyama F. Transhumanism. Foreign Policy. 2004;144:42–43.
6. Orlova E.V. Phenomenon of social parasitism in modern society: Social and philosophical aspects. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Philos.): 09.00.11. Rostov-on-Don: Southern Federal University; 2008. 24 p. (In Russian).
7. Cherkasova T.V. Transformation of social protection of the European countries population. Kонтентус. 2018;1(66). (In Russian).
8. Malakhov A.A. Concept of the welfare state in the context of left ideological doctrines. Theories and Problems of Political Studies. 2021;5A(10):92–99. (In Russian).
9. Somova I.Yu., Ipatova K.S., Amelchenko A.Ya. Bio-digital convergence as a tool of transhumanism: methods and goals of anthropological transition. World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies. 2023;3(14). (In Russian).
10. Pruski M. What Demarks the Metamorphosis of Human Individuals to Posthuman Entities? New Bioeth. 2019;1(25):3–23. <https://doi.org/10.1080/20502877.2019.1564003>
11. Rumyantsev A.G. Society, law and the coming world of robots: together with humans or instead of? Comparative Constitutional Review. 2023;6(157):4–32. (In Russian).
12. Kazantsev O.A. “Managerization” of general education: to the statement of the problem. Caucasian Science Bridge. 2023;1:96–103. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>
13. Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. Vestnik universiteta. 2023;7:24–32. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>